

К 90-летию Алексея Фёдоровича Карнаухова



■ А. Ф. Карнаухов

На Родину

Снизался Як, прощаясь
с облаками,
Шёл к Ангаре, спокойной,
ледяной.
Мелькнула Куторея,
Сенькин камень,
Вот Осетровик, вон – Сенной!
Всё новые знакомые картины
Являлись мне, скрывались
под крылом.
Родные все места неслись
лавиной,
Мелькали островок
за островком.
Красивы, как народные сказанья,
Пришедшие из глубины веков.
Какая музыка таится
в их названьях –
Малиновый, Лебяжий, Журавков!
Остались острова. Земля
навстречу властно.
И сладкая ко мне
приходит грусть,
И сердце задыхается
от счастья –
Не надышусь, не посмотрюсь.
Мой край родной! В тебе души
не чаю!
Ты навсегда в моей судьбе.
О, если бы ты знал, как я скучаю,
Как я тоскую по тебе!
Любимый край! Прости
и дай мне руку!
Целебный воздух твой
я сладко пью.
В нежданной, немислимой
разлуке
Я песни лишь твои пою.

Запахи Родины

Опять я на родине
(сон начинается).
Встречает, волнуя, ветер с реки,
Кусты и цветы луговые
качаются –
Летят и летят на меня
лепестки.
И, кажется, слышу я запах
смородины
И запахи трав, что вовек
не измять.
О, запахи детства!
О, запахи родины!
Вас даже в раю у меня не отнять.
Как будто иду я покосом
некошеным,
Трава мне по плечи, цветы
возле глаз.
Все эти луга мной когда-то
исхожены,
Их запахом я наслаждался не раз.
В подарок пленительный

запах черёмухи
Родимой сторонки мне
ветер принёс:
Её аромат густо плавает
в воздухе –
Никак не могу удержаться
от слёз.
Брожу босиком я по травам
до вечера –
Не хочется мне возвращаться
назад.
Цветы поклоняются тихо,
доверчиво –
Какую-то тайну хотят
рассказать.
Душой здесь и телом воспряну
я заново,
И песнею стал, и молось
красоте.
Без запаха родины, нежного
самого,
Как трудно мне петь
в городской духоте.
И снова мне слышится
запах смородины
И запахи трав, что вовек
не измять.
О, запахи детства!
О, запахи родины!
Вас даже в раю у меня не отнять.

Другу

М. Верхотурову
Вспомнишь ли, среди ночи
разбужен,
Пруссию Восточную
и грязь?
На сухое мы тащили пушки
По колено в жиже, матерясь.
Целый день в болото,
с нами рядом,
С вражеских позиций, тяжело,
Не взрываясь, плюхались
снаряды –
Нам с тобою в этот раз везло.
Целый день тот, муторный,
дождливый,
Вслед за разрывными выл фугас.
Мы с тобою вновь

остались живы,
Никого не ранило из нас.
Может быть, была тут
Божья воля:
Привалило счастье –
долгий век.
Только появился белый волос
На моей чернявой голове.

Возвращение

Шёл сорок пятый, вечный год.
Дул ветер, запад золотился.
Союзный гидросамолёт,
Снижаясь, на воду садился.
На берегу, где городьба,
У самолётного причала,
Теснилась, двигалась толпа –
Нас, победителей, встречала.
Стояла мать в толпе. Платок
Не мог прикрыть её седины.
Катил под сердце холодок,
И миг казался длинным-
длинным.
Покачивался гидроплан.
Качалась маленькая лодка
Рука сжималась добела
На костыле моём неловком.
Скрипели вёсла, веселы,
Летел наш крик в речные дали,
И берег мой навстречу плыл,
И слёзы в горле закипали.
Стоял отец.

Живите, люди!

Не ожить нам
под майский гром,
Не вздрогнуть ни единым
нервом,
Не быть за праздничным
столом –
Нас расстреляли в сорок первом.

Мы умирали на снегу,
На тесных нарах
медсанбатов,
В концлагерях, и на бегу –
Не ликовали в сорок пятом.
Мы жить хотели, как и вы,
Детей растить мечтали сами –
Мы, не познавшие любви,
Так и не ставшие отцами.
Поля войны в расцвете лет
Своей мы кровью оросили
За вечный мир на всей земле,
За ваше счастье и России.
Живите, люди, без войны.
Любите, радуйтесь, мечтайте,
Но иногда средь тишины
О нас, погибших,
вспоминайте.

Семидесятилетие – рубеж

«Я разный...»
(Е. Евтушенко)
Семидесятилетие – рубеж.
Что разделяет пожилых
и старых,
А на сердце ещё один рубец.
Но плакаться на это я не стану.
Ладонями зажму глухие уши.
Сам расскажу, каков я есть,
открыто –
Во мне всего намешано досыта:
Я – кежемский, потомок я
казачий,
Властям послушный, правнук
я варначий,
Между Саян и Ангары висячий;
Я – преданный предельно
и неверный,
Уравновешенный и нервный,
Любвеобильный и супруг
примерный.
Бываю пьяным и, не скрою,
трезвым,
Бываю интересным я и пресным,
Интеллигентный –
затрапезным.
Негромкий голос мне казался

зычным,
А сам я, грамотей,
косноязычным,
И стих, сугубо личный –
обезличным.
Противник драки,
я давал по рожке,
Бывало, что и мне давали тоже...
О, сколько же во мне всего!
О Боже!
Но не был я ни гордым,
ни спесивым,
Ни мстительным, ни злобным,
ни трусливым,
Ни гаденьким, ни подленьким,
ни льстивым.
И вот рубеж!
Когда себя итожим,
Мы на святых становимся
похожи.
Быть может, в чём-то я
неточен
И не на том бывал сосредоточен,
Но главное, что я хороший очень!
И скромно высоко себя ценя,
Прошу любить
и жаловать меня!

Первая любовь

Кино. Я к ней склонился ближе.
Как на себя стаяв петлю,
Шепнул ей, чтоб никто
не слышал,
В затылок: «Я тебя люблю».
В душе моей метался
трепет,
А в темноте таился зал.
Она в ответ на жаркий
лепет:
«Хи-хи! Дружок, ты опоздал!
Люблю другого я, Алёша».
Мчались в экране поезда,
Стучали холодно колёса:
«Ты опоздал! Ты опоздал!»
Мелькали кадры безучастно,
И слёзы капали из глаз.
«Всё кончено!»
Нет в жизни счастья!»
12 лет мне. Пятый класс.



■ Кежма, август 2007 года